

*Посвящается Лу — с беспощадными,
суровыми обьятиями*

ЧАСТЬ IV

«В мирное время человек, склонный к войне, нападает на самого себя». —

Фридрих Ницше¹

---

¹ Ф. Ницше, «По ту сторону добра и зла» (1886), § 76. — *Прим. пер.*

Неправды мира

— **Н**адеюсь, никто не будет возражать, если мы пока обойдемся без этой штуки? — Орсо швырнул корону на стол. Золотой ободок закрутился вокруг своей оси, поблескивая в пыльном луче весеннего солнца. — Своя лочь, всю кожу содрала.

Он потрогал натертые венцом места над висками. Можно было бы сделать из этого метафору — бремя власти, тяжесть короны... Но члены его Закрытого совета, без сомнения, уже слышали все это прежде.

Не успел он сесть, как они начали выдвигать кресла для себя — морщась, кряхтя, бурча себе под нос. Старые спины сгибались, старые зады умащивались на твердых деревянных сиденьях, старые колени подсовывались под столешницы, заваленные крениющимися грудями бумаг.

— Где генеральный инспектор? — спросил кто-то, кивая в сторону пустого кресла.

— Вышел. Вы же знаете, у него мочевого пузыря...

Раздался хор сочувственных стонов.

— Человек может выиграть тысячи сражений. — Лорд-маршал Бринт глядел вдаль, словно перед ним была неприятельская армия, крутя женское колечко, которое носил на мизинце. — Но в конечном счете оказывается, что никто не может победить собственный мочевого пузырь.

Будучи самым молодым в этой комнате — лет на тридцать моложе всех остальных, — Орсо менее всего на свете интересовался своим мочевым пузырем.

— Прежде чем мы начнем, хотелось бы прояснить один момент, — сказал он.

Все устремили взгляды в его направлении. Не считая Байяза, сидевшего в дальнем конце стола. Легендарный маг продолжал смотреть в окно, где в дворцовом саду уже начинали распускаться почки.

— Я намерен устроить большое турне по всему Союзу. — Орсо приложил все усилия, чтобы это прозвучало авторитетно. По-королевски. — Посетить все провинции. Все крупные города. Когда в последний раз правящий монарх наносил визит в Старикланд? Мой отец там вообще бывал?

Архилектор Глокта скривился — еще больше, чем обычно.

— Старикланд не был сочтен достаточно безопасным, ваше величество.

— Старикланд всегда славился своей склонностью к беспорядкам. — Лорд-канцлер Городец рассеянно поглаживал свою длинную бороду, собирая ее в пучок, распуская и снова разглаживая. — А сейчас их еще больше, чем прежде.

— Но я должен поддерживать связь с моим народом! — Орсо стукнул ладонью по столу, чтобы подчеркнуть сказанное. Немного *чувства*, вот чего им здесь не хватало. Все в Белом Кабинете было холодным, сухим, бескровным, расчетливым. — Показать людям, что мы все заняты одним большим делом. Что мы одна семья! Наша страна недаром называется Союзом — мы должны быть заодно, черт подери!

Орсо не хотел становиться королем. Сейчас он получал от своего положения еще меньше удовольствия, чем когда был кронпринцем, если это вообще возможно. Однако, раз уж он все-таки сделался королем, он был решительно настроен использовать это звание во благо.

Лорд-камергер Хофф вяло похлопал ладонью по столу, изображая аплодисменты.

— *Превосходная идея*, ваше величество!

— Превосходная. Идея, — отозвался эхом верховный судья Брюкель, чья манера разговора вызывала ассоциации с дятлом, да и нос вполне соответствовал.

— Благороднейшие побуждения, и изящно выраженные, — согласился Городец. Впрочем, его одобрение так и не отразилось в его глазах.

Кто-то из стариков копался в бумагах, еще один хмурился, глядя на вино в своем бокале, словно там плавало что-тодохлое. Городец продолжал гладить свою бороду, но теперь у него было такое лицо, как будто он хлебнул мочи.

— Но?

Орсо уже знал, что в Закрытом совете всегда имеется по меньшей мере одно «но».

— Но... — Хофф взглянул на Байяза, который едва заметным кивком позволил ему продолжать, — ...может быть, будет лучше подождать более *благоприятного* момента. Когда положение будет более *устойчивым*. Ведь и здесь есть множество дел, которые требуют внимания вашего величества!

— Множество. Дел, — подтвердил верховный судья.

Вдох Орсо больше походил на рычание. Его отец всегда презирал Белый Кабинет с его жесткими, бездушными креслами. Презирал жестких, бездушных людей, которые на них сидели. Он не раз предупреждал Орсо, что в Закрытом совете еще не было сделано ничего хорошего. Но если не здесь, то где? Эта тесная, лишенная воздуха, лишенная индивидуальности комната была тем местом, где пребывала власть.

— Не хотите ли вы сказать, что правительственный механизм без меня застопорится? — спросил он. — Мне кажется, вы несколько переслащиваете пилюлю.

— Некоторые вопросы должен решать только монарх, и люди должны *видеть*, что он их решает, — сказал Глокта. — В Вальбеке ломателям был нанесен сокрушающий удар.

— Трудная задача, с которой ваше величество превосходно справились, — пробубнил Хофф, едва не пуская слюни в приливистого восторга.

— Однако эта зараза пока еще далеко не искоренена. И те из них, кому удалось сбежать, стали... еще более радикальными в своих взглядах.

— Сеют раздор среди рабочих. — Верховный судья Брюкель резко встряхнул костистой головой. — Стачки. Забастовки. Нападения на персонал. Вред имуществу.

— Да еще эти чертовы *памфлеты!* — добавил Бринт.

Со всех сторон раздались стоны.

— Чертовы. Памфлеты.

— Я всегда считал, что образование простолюдинам ни к чему, а теперь могу добавить, что оно попросту *опасно!*

— Этот треклятый Ткач умеет так обращаться со словами...

— Не говоря уже о непристойных гравюрах.

— Они склоняют народ к неповиновению!

— К неояльности!

— Эти их разговоры о грядущей *Великой перемене...*

По левой стороне изможденного лица Глокты снизу вверх пробежала волна подергиваний.

— Они обвиняют Открытый совет! — (И публикуют карикатуры, где его члены представлены в виде свиней, дерущихся возле корыта.) — Они обвиняют Закрытый совет! — (И публикуют карикатуры, на которых его члены трахают друг друга). — Они обвиняют его величество! — (И публикуют карикатуры, на которых он трахает все, что попадет под руку.) — Они обвиняют банки!

— Они распространяют нелепые слухи о том, что государство... погрязло в долгах... перед банкирским домом «Валинт и Балк»...

Городец замялся, не договорив. Комната погрузилась в нервное молчание. Наконец Байяз оторвал взгляд своих жестких зеленых глаз от окна и устремил его вдоль стола:

— Этот поток дезинформации должен быть пресечен.

— Мы уничтожили дюжину печатных станков, — проскрипел Глокта, — но они строят новые, и с каждым разом все меньших размеров. Теперь любой глупец может не только писать, но и *печататься*, и выражать свое *мнение*.

— Прогресс! — посетовал Брюкель, возведя взгляд к потолку.

— Эти ломатели — как чертовы кроты у меня в саду, — проворчал лорд-маршал Рукстед, кресло которого стояло слегка наискосок, создавая впечатление беспечной отваги. — Убьешь пятерых, нальешь бокальчик, чтобы отпраздновать, а утром глядь — снова весь газон в чертовых дырах!

— Даже от моего мочевого пузыря меньше беспокойства, — добавил Бринт, вызвав смехи у всех присутствующих.

Глокта с негромким чмоканьем пососал пустые десны:

— И потом, есть еще сжигатели...

— Безумцы! — рявкнул Хофф. — Одна эта женщина, Судья, чего стоит!

Лица вокруг стола скривились от отвращения — трудно сказать, то ли в принципе из-за упоминания такой твари, как женщина, то ли при мысли об этом конкретном экземпляре.

— Я слышал, на Колонской дороге нашли убитого фабриканта. — Городец с особой яростью дернул себя за бороду. — С памфлетом, прибитым к его лицу *гвоздями!*

Рукстед положил на стол большие кулаки:

— А тот бедолага, которого задушили, запихнув ему в глотку тысячу листов с правилами, которые он распространял среди своих работников...

— Еще немного, и можно будет подумать, что наши действия только ухудшили положение, — заметил Орсо. В памяти всплыл образ Малмера. Как болтались его ноги, свисая из покачивающейся на ветру клетки. — Возможно, мы могли бы сделать какой-нибудь жест доброй воли. Определить минимальный размер заработной платы? Улучшить рабочие условия? Я слышал, что недавний пожар на одной из фабрик унес жизни пятнадцати малолетних рабочих...

— Было бы глупостью, — произнес Байяз, уже вновь переключивший внимание на сад за окном, — препятствовать свободному развитию рынка.

— Рынок служит интересам всех и каждого! — поддакнул лорд-канцлер.

— Неслыханное. Процветание, — согласился верховный судья.

— Малолетние рабочие, без сомнения, приняли бы его с восторгом, — заметил Орсо.

— Без сомнения, — подтвердил лорд Хофф.

— Если бы не сгорели вместе с фабрикой.

— От лестницы нет проку, если у нее ступеньки только наверху, — сказал Байяз.

Орсо открыл было рот, чтобы возмутиться, но верховный консул Матстрингер влез первым:

— К тому же нам неизменно противостоит целый спектр зарубежных противников. — (Координатор внешней политики Союза вечно путал цветистость слога с глубиной мысли.) — Может быть,

гурки и погрязли во всеобъемлющих затруднениях внутри своей страны...

Байяз отметил эту мысль удовлетворенным хмыканьем.

— ...но имперцы не прекращают бряцать мечами у наших западных границ, подстрекая население Старикланда к новым актам неповиновения, в то время как на востоке вновь набирают смелости стирийцы...

— Они строят собственный флот! — Ради этой ремарки лорд-адмирал даже проснулся, приподняв тяжелые веки. — Новые корабли. Вооруженные пушками. В то время как наши суда *гниют* у причалов из-за недостатка инвестиций!

На этот раз хмыканье Байяза имело хорошо знакомый недовольный оттенок.

— Причем они действуют исподтишка, — продолжал Мат-стрингер, — сея раздоры в Вестпорте, подговаривая старейшин поднять мятеж. Что говорить, им уже удалось подстроить голосование по вопросу возможного выхода города из состава Союза! Оно состоится через месяц!

Собравшиеся старики принялись соревноваться в проявлениях патриотического негодования — зрелище, породившее у Орсо желание выйти из состава Союза самому.

— Измена. Бунт, — пророкотал верховный судья.

— Чертовы стирийцы! — взвился Рукстед. — Это они любят, действовать в тени!

— Мы это тоже умеем, — проговорил Глокта негромко, но таким тоном, что волоски на коже Орсо зашевелились под богато расшитым мундиром. — В эту самую минуту мои лучшие люди прилагают все усилия, чтобы обеспечить лояльность Вестпорта.

— Ну, по крайней мере, наша северная граница в безопасности, — заметил Орсо, отчаянно пытаясь внести в дискуссию хоть немного оптимизма.

— Хм-м... — Чопорно поджатые губы верховного консула возвестили крушение его надежд. — Наша политика на Севере всегда больше напоминала кипящий котел. Ищейка обременен годами. Немощен. В случае его смерти никто не может предугадать судьбы Протектората. Лорд-губернатор Брок, по всей видимости, выковал прочные узы дружбы с новым королем Севера, Стуром Сумраком...

Неправды мира

— Уж в этом-то не может быть ничего плохого, — предположил Орсо.

Над столом скрестились взгляды, исполненные сомнения.

— Если только эти узы не окажутся... *чересчур* прочными, — промурлыкал Глокта.

— Молодой лорд-губернатор очень популярен, — согласился Городец.

— Чертовски. Популярен, — продолбил верховный судья.

— Симпатичный парень, — сказал Бринт. — И уже заслужил репутацию храброго воина.

— За ним Инглия. И Стур в качестве союзника. Он может оказаться угрозой.

Рукстед высоко задрал свои кустистые брови:

— Не будем забывать, его дед был презренным изменником, черт бы его драл!

— Я не позволю осуждать человека за действия его деда! — отрезал Орсо, чьи собственные деды имели весьма сомнительную репутацию, и это еще мягко сказано. — Лео дан Брок рисковал жизнью, сражаясь за меня в поединке!

— Работа вашего Закрытого совета, — возразил Глокта, — состоит в том, чтобы предупреждать угрозы вашему величеству до того, как они станут угрозами.

— Потому что потом может оказаться слишком поздно, — вставил Байяз.

— Население... обескуражено смертью вашего отца, — сказал Городец. — Он умер таким молодым... Так неожиданно...

— Очень молодым. Очень неожиданно.

— В то время как сами вы, ваше величество, человек...

— Ничтожный? — предположил Орсо.

— Недостаточно опытный, — ответил Городец с терпеливой улыбкой. — В такие времена, как сейчас, люди более всего желают стабильности.

— В самом деле. Без сомнения, было бы более чем уместно, если бы ваше величество... — лорд Хофф прокашлялся, — ...жениться?

Орсо прикрыл глаза, прижав веки большим и указательным пальцами.